

Баю-баюшки-баю,
Не ругаю, не браню,
Но добром те говорю:
Спи, жадобушко, покрепче,
С тобой некому водиться,
Окол батюшки вертеться,
Нету бабушек родных,
Нету теток жалобных.
Только есть у тя добра
Родна маменька одна...

*(Старинная русская
колыбельная)*

— ...Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят...

Соня напряженно следила за подрагивающей рукой Екатерины Васильевны, в которой та держала бутылочку корвалола. Будто и впрямь имело значение, сколько капель попадет в расписную стекляшку, предназначенную для священного действия. Подумаешь, на пару капель меньше... Или больше... Какая, в общем, разница? Но умела, умела ее свекровь аккумулировать тонус чужого напряжения и даже из таких, собственно, мелочишек. Держала свою стекляшку на уровне глаз, щурилась болезненно, шептала сухими губами:

— Шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три...

Шестьдесят четыре! Шестьдесят пять! Уф... Все, слава богу. Апогей. Можно вздохнуть свободно. Нет, как это у нее получается, интересно?

Специально старается, или природная органика такая?

Соня отхлебнула чаю, задумалась. Нет, не специально, наверное. Все-таки характер у Екатерины Васильевны был добрый, покладистый. Вот и сейчас — улыбнулась грустно, глядя на нее.

— А знаешь, Сонюшка... Мне иногда кажется, когда капли отсчитываю, будто годы мои так же в склянку прокапали... Очень уж быстро. От первого до шестьдесят пятого — полторы минуты. Иногда даже оторопь берет... Впрочем, тебе этого не понять. В твоём возрасте время еще безразмерным кажется. Вся жизнь впереди...

— Смотря какая — жизнь, Екатерина Васильевна. Если такая, как у меня...

Сказала — и осеклась. Зачем, зачем?.. Зачем лишний раз трогать то, о чем нужно старательно умалчивать, зачем самой себе под дых бить? И под дых Екатерине Васильевне? Она-то уж точно этого не заслужила! Она ж вон после каждого трудного дня корвалол пьет. И ничего, не жалуется. Только вздыхает смиренно.

— Ты ешь, Сонюшка, ешь... Устала сегодня, наверное. Расскажи, как у тебя на работе дела? Удачный день был?

— Да так себе. Меня Самуил Яковлевич сегодня в свой процесс взял, на уголовку, чтобы я опыта набиралась.

— А что, сложный процесс?

— Ну да, сто восьмая, часть первая.

— Ой, я не понимаю, Сонечка.

— Ах да, извините. Это убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. А субъективная сторона преступления вообще-то вполне банальная. Приехал муж из командировки, а у жены — любовник. Ну, ему голову снесло, в состоянии аффекта за нож взялся. И пришлось бедному Казанове не только себя защищать, но и любовницу.

— Так в чем же тогда превышение-то? Этой, как ее... необходимой обороны?

— Да в разнице весовых категорий. Муж был так себе, хлипенький, да еще и матушка его в суд выписку из истории болезни принесла. Он, оказывается, толком и руки поднять не мог, какое-то специфическое заболевание. А убивец наш — мужичок довольно крепенький, бывший боксер.

— Да, жалко мать. Выходит, ее сына не только обидели, но еще и убили. Как такое пережить? Я бы на месте судьи прижучила этого бывшего боксера по полной программе. Судья-то женщина, надеюсь?

— Да женщина, женщина. Причем того самого возраста, позднего материнского. Самуил Яковлевич говорит, именно это обстоятельство и сыграет не в нашу пользу. Убивец-то — наш подзащитный.

— Ох, Сонюшка, не знаю, не знаю. Трудную ты себе профессию выбрала, совсем не женскую. Есть опасность с годами душой очерстветь.

— Нормальная профессия, Екатерина Васильевна. Мне нравится. Да и Самуил Яковлевич меня хвалит, говорит, что я способная и хваткая. И что со временем из меня приличный адвокат получится. По крайней мере, это интереснее, чем за учрежденческим столом сидеть и бумажки перебирать!

— Это ты сейчас на Олега намекаешь, да?

— Да почему сразу — на Олега? Он не звонил, кстати?

Екатерина Васильевна вздрогнула и бросила на Соню быстрый взгляд. Нет, не сердитый. Растерянный, скорее. Она всегда немного теряется, когда надо на неудобный вопрос о сыне отвечать. И обязательно при этом держит паузу — выстраивает заранее мягкий ответ, будто соломки подстилает. А может, она, Соня, и впрямь спросила слишком резко? Не надо было.

— Да, он днем звонил, Сонечка. Мы с Никольной аккуратно с прогулки пришли. Он на домашний номер звонил. Сказал, что мобильник потерял. Ты же знаешь, какой он рассеянный.

— И что сказал?

— Да так, ничего особенного. Спрашивал, как мы тут. Говорит, на работе опять аврал. Надо каждый вечер сидеть, да еще и выходные прихватить придется. Да ты позвони ему на домашний номер, время-то десять часов, он наверняка уже с работы приехал! Сидит там один, в чужой квартире, как сыч.

А вот теперь вздрогнула Соня. И бросила на свекровь быстрый взгляд. И приказала себе: молчи! Молчи. Не ведись на трогательную нотку материнской заботы, не раздражайся. И пусть твое молчание тоже аккумулируется в паузу — и совсем не для того, чтобы мягкой соломки подстелить. Да, неловкая пауза получается, холодноватая, но что ж делать, откуда в ней осторожной мягкости взяться? Ведь если со стороны посмотреть, если объективно... Это что же у нас получается? Добрая милая свекровь советует злой невестке позвонить мужу на «домашний» телефон? Как будто это нормально, что «домашний» телефон как раз и не дома, а в чужой съемной квартире!

Соня медленно выдохнула вспыхнувшую так некстати обиду и проговорила тихо, опустив голову:

— Хорошо, Екатерина Васильевна, я позвоню...

Вот такой диалог у них получился, как искушение скоромной пищей в постный день. Хочется высказаться, да нельзя. А эмоции-то все равно пишат под прессом этого «нельзя», колышут кухонное пространство. Разве их за вопросами-ответами скроешь?

Екатерина Васильевна будто сейчас только вспомнила про свой корвалол, плеснула в рюмку немного воды из чайника. Выпила залихватски, как водку, сипло выдохнула, дрогнула вторым подбородком:

— Фу, гадость какая.

В комнате заплакал Николенька. Тонкие мяукающие звуки проникли в кухню жалким призывом, разрывая напополам сердце. Нет, невозможно к этому привыкнуть. И ужасно стыдно, что — невозможно. Как невозможно привыкнуть к беде, к надругательству над человеческой природой. Вставай, мать, беги к своему несчастному дитю, к своему ребенку-котенку, родившемуся с синдромом Лежена...

— Сиди, сиди, я сама... — заполошно махнула рукой Екатерина Васильевна, соскакивая со стула. — Наверное, пить захотел...

Ну что ж. Сама так сама. Николенька бабкины руки лучше знает, чем материнские. Так уж получилось, что делать. Екатерина Васильевна сама на эту амбразуру бросилась, с первых дней, как Николеньку из роддома принесли. Пока сама Соня пребывала в депрессии да в горестно-обиженном недоумении к своему женскому организму, Екатерина Васильевна все первоначальные заботы на себя взяла, а их с Олегом вроде как отстранила героически.

Наверное, не надо было отстранять-то. Все же Николенька теперь, вместе со своей измененной пятой хромосомой, врожденными физическими пороками и отставанием в умственном развитии — это навсегда. И она ему — мать. А Олег — отец...

Как всегда, захотелось плакать. Соня уперла локти в стол, сложила ладони ковшиком,

спрятала в них лицо. Ау-ау, нету меня... Можно, я лучше сквозь землю провалюсь, чтобы не слышать мяукающего плача моего годовалого сына Николеньки? Мяукающего, разрывающего сердце плача — главного симптома генетического заболевания под названием «синдром Лежена»? Очень редко встречающегося, кстати... Редкого, но именно на их головы обрушившегося...

Все. Затих. Снова уснул, наверное. Надо слезы с лица смахнуть — нельзя, чтобы Екатерина Васильевна видела. Ничего ж не случилось особенного — подумаешь, ребенок проснулся.

Тихо скрипнула половица в коридоре — идет... Крадется на цыпочках.

— Сонечка, я ж совсем забыла. У меня же еще эклеры есть! Купила, когда гулять ходили, на улице, с лотка. Будешь?

— Нет, Екатерина Васильевна, спасибо.

Голос ее все-таки прогундосил слезно, и носом пришлось предательски хлопнуть. Екатерина Васильевна напряглась, но в лицо Соне не глянула, лишь затараторила быстрым шепотком:

— Да ладно, погоди отказываться. Эклеры свежайшие, сами в рот просятся! Ты же любишь, я знаю! Давай, давай... И чайник еще горячий. Нельзя организму в сладком отказывать, для нервной системы вредно. Ну, хоть половинку съешь.

Выложила перед Соней эклеры на тарелочке, подлила в чашку чаю. Села напротив, преданно улыбаясь:

— Ешь.

А что делать — пришлось. Хоть и противно стало во рту от приторно-сладкого. Екатерина Васильевна удовлетворенно кивнула, заговорила тихо:

— Сегодня массажистка к Николеньке приходила... Сказала, что хорошая динамика есть. Говорит, хорошо бы потом, попозже, его на Мертвое море свозить, солями полечить. Как думаешь, это очень дорого?

— Думаю, да.

— Ничего. Вы же с Олежкой работаете. У него зарплата приличная, еще и повышение по службе обещают. Да и у тебя, надеюсь, дела в гору пойдут.

— Ну, когда они еще пойдут... У меня мало практики наработано. Все клиенты только Самуила Яковлевича хотят, никому адвокат без опыта не нужен.

— Ничего, Сонюшка, ничего... Это вопрос времени. Все как-нибудь образуется, вот увидишь. И с Олежкой у вас образуется, и с Николенькой... Я, кстати, когда он сегодня спал, в Интернет заходила, интересную статью нашла о том, как в американских клиниках таких детей адаптируют. При хорошем уходе многие симптомы уже через год исчезают. Там даже фотогра-

фии деток с синдромом Лежена есть — пятилетних, десятилетних. И знаешь — детки как детки! Симпатичные все, улыбаются! И глазки такие осмысленные. Главное, пишут, нельзя руки опускать! Но мы ведь не опускаем, правда?

— Да. Мы не опускаем. Только жаль, не в Америке живем. Здесь никому, по большому счету, до таких детей дела нет. Твой ребенок — твои проблемы. Каждый за себя, одним словом. Да чего я вам объясняю, вы и сами все понимаете...

— Ну-ну... Не впадай в пессимизм, Сонечка. Мы еще поборемся за Николеньку. Вы с Олежкой молодые, здоровые, при хорошем образовании, все у вас впереди! Заработаете денег, поедем потом в европейские клиники.

— Врожденные изменения пятой хромосомы ни одна клиника не поправит, Екатерина Васильевна. Мне кажется, лучше постараться привыкнуть к правде, чем обманывать себя ложным оптимизмом. Принять все как есть.

Соня вдруг услышала себя будто со стороны — голос чужой, с грустными назидательными нотками. И ужаснулась — кому она сейчас это назидание втолковывает? Женщине, которая изо дня в день проводит время с ее больным сыном? Которая ринулась на амбразуру, чтобы освободить ее от материнских обязанностей? Выпустила на волю, как птицу из клетки? О господи! Как жестоко звучит — освободила от материнских обязанностей.

Но ведь и в самом деле — освободила. Когда она сына видит? Убегает утром в свою адвокатскую контору — он еще спит. Вечером возвращается — уже спит. А Екатерина Васильевна тут одна с ним крутится весь день. Потом корвалол пьет. Тяжело. Вон, как за этот несчастный год сдала, совсем в старуху превратилась, за собой следить перестала. Под подбородком дряблый мешочек повис, а раньше его не было. И волосы стала убирать в жалкий сухой хвостик на затылке, не идет ей совсем. Надо бы хоть на парикмахерскую ее уговорить, пусть в выходные сходит.

Свекровь, будто прочитав ее мысли, суетливо огладила себя по лицу, по волосам, улыбнулась немного заискивающе:

— Завтра пятница, Сонечка... Скоро выходной. У тебя будет выходной, или какие-то дела намечаются?

— Нет, Екатерина Васильевна, в субботу ничего не будет.

— Ага. Ну, вот и замечательно. Сходите куда-нибудь с Олегом, развейтесь, отвлекитесь немного. Вы же нигде не бываете!

— Нет-нет! Давайте я лучше вас на пару дней освобожу. Вы ж безвылазно дома сидите, вам же тоже... Вон, в парикмахерской сто лет не были.

— Ой, да на что она мне, эта парикмахерская? И так сойдет.

— Ну, тогда просто погуляйте, по магазинам пройдитесь. На субботу погоду хорошую обеща-

ют... А еще лучше — в театр! Я же помню, как вы раньше театр любили!

— Да бог с тобой, Сонечка, куда уж мне. Еще чего придумала — театр! Собираться, одеваться, хлопотать-ехать куда-то... Нет у меня на это сил. Да и желания тоже, если честно.

— Ну, тогда просто поваляйтесь на диване с книжкой... А я с Николенькой погуляю. А потом, когда он уснет, обед приготовлю. Вы завтра ничем не занимайтесь, я в субботу сама все домашние дела переделаю. И белье поглажу. Я видела, там целая гора накопилась.

— Ладно... Будет день, там и поглядим.

Екатерина Васильевна вздохнула, поморщилась, вяло протолкнула ладонь под левую грудь, свободно и некрасиво обвисшую под тонкой трикотажной майкой.

— Да, Сонечка, поваляться бы мне не мешало... Что-то у меня сердце в последнее время с ума сходит. То колотится как бешеное, толчками, то болью болит...

— Так надо к врачу, наверное? Кардиограмму сделать.

— Можно и сделать, отчего ж не сделать. И лекарства попить можно. Да только сама ж понимаешь — все без толку... Психосоматику никакими лекарствами не обманешь. Думаешь, я не переживаю за вас с Олежкой, за Николеньку? Еще как... А главное, страшно боюсь вас подвести...

— В каком смысле?